

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.15>

Хасанов Ришат Фаукатович

ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ (ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В БАШКИРСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ)

Целью статьи является анализ башкирского исторического романа с точки зрения воплощения в нем темы поэта и поэзии. Объекты рассмотрения - произведения последних лет, еще не включенные в научный оборот, что определяет новизну исследования. Отмечается, что поэты всегда играли важную роль в духовной и материальной жизни башкирского народа. Анализируются система образов, некоторые особенности поэтики, стилевое своеобразие романов, отмечаются их национально-самобытные черты, проводятся параллели с русской классикой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 71-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.141.09

Дата поступления рукописи: 15.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.15>

Целью статьи является анализ башкирского исторического романа с точки зрения воплощения в нем темы поэта и поэзии. Объекты рассмотрения – произведения последних лет, еще не включенные в научный оборот, что определяет новизну исследования. Отмечается, что поэты всегда играли важную роль в духовной и материальной жизни башкирского народа. Анализируются система образов, некоторые особенности поэтики, стиливое своеобразие романов, отмечаются их национально-самобытные черты, проводятся параллели с русской классикой.

Ключевые слова и фразы: башкирская литература; исторический роман; персонаж; концепция личности; сэсэн; психологизм; лейтмотив; лиризм.

Хасанов Ришат Фаукатович, д. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
academy@birsk.ru

ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ (ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В БАШКИРСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ)

В статье ставится **цель** на материале произведений классиков и современных авторов выявить некоторые общие закономерности в развитии темы, раскрыть ее национально-самобытные черты, своеобразие авторского подхода к решению данной художественной проблемы. Цель предполагает решение следующих **задач**: а) анализ ряда исторических романов данного направления в разрезе проблемы традиций и новаторства и в сравнительно-сопоставительном плане; б) выявление авторской индивидуальности, жанрово-стилевого своеобразия произведений; в) характеристика современных романов (Р. Баимов, Г. Хисамов, Н. Гаитбай) как нового слова в художественном освоении темы.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами. Во-первых, исторический роман в башкирской литературе был и остается активным, динамично развивающимся жанром, характеризующим и определяющим современный литературный процесс. Сложилась целая плеяда талантливых романистов, чье творчество всегда вызывает научный интерес. Во-вторых, в начале нового столетия были созданы романы так называемой «альтернативной истории», по-новому трактующие известные, традиционные темы и образы, возвращающие забытые имена, личности. Всё это заслуживает изучения и должной оценки. С этим положением, в частности, связана и **научная новизна** статьи. В оборот включаются произведения, вышедшие в последние годы и еще не ставшие предметом глубокого научного анализа. Стоит также отметить, что до настоящего времени системного рассмотрения исторического романа с названной тематикой в башкирском литературоведении не было.

В жизни башкирского народа поэты, сэсэн, народные сказители всегда занимали особое положение. Они выступали духовными лидерами, глашатаями истины, прорицателями, властителями дум, борцами за справедливость и свободу. Слова Е. Евтушенко «поэт в России больше, чем поэт» как нельзя лучше объясняют их роль и место в жизни народа в разных ее проявлениях. Именно «гордый дух гражданства», «бесприютность», тревога за судьбы людей, родного народа становились кредо, смыслом их жизни. Сэсэн у башкир были почитаемы, признаны людьми избранными, обладающими даром пророчества. Если в русской поэзии преобладала тенденция противопоставления поэта обществу, отдаления творца от народа, что мы видим отчасти в поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Бунина, А. Блока, М. Цветаевой, Б. Пастернака, И. Бродского, то в башкирской литературе лейтмотивом проходит идея слитности, единства поэта и народа, служения ему. Также необходимо отметить, что в произведениях русских классиков тема решается в условно-символическом, обобщенно-абстрактном плане, говорится о поэзии и поэте вообще, в творчестве же башкирских авторов она обретает конкретно-исторические, национально-самобытные черты, воплощаясь в образах реальных лиц.

Как свидетельствует история, сэсэн часто становились воинами, не только словом, но и с оружием в руках сражались за свободу и справедливость. Это Кул Гали, Юламан, Хабрау, Йылкыбай, Буранбай, Бабич и другие. Об их подвиге, трагической судьбе сложены беиты, сказания, легенды, кубаиры, созданы литературные памятники.

Наиболее полно эта традиционная тема нашла отражение в романном творчестве классика исторического жанра Ахияра Хакимова. Его романы «Кожаная шкатулка», «Плач домбры» и «Мелодия степи» – своеобразная трилогия, посвященная судьбе сэсэн в переломные моменты истории. В романах мы встречаемся с Хабрау и Сайф Сараем, жизнь которых пришлось на жестокое время, когда народы Поволжья, Урала страдали от гнета степняков, что во многом определило суть их поэзии, в которой центральное место занимает тема народа, борьба с деспотизмом и тиранией.

Автор свободно обращается с фактическим материалом, добываясь художественной правды и правды характеров. Так могло быть, возможно, так и происходило в силу сложившихся обстоятельств – эта творческая установка дает писателю возможность вести повествование, умело сочетая реальное и вымышленное, активно включая творческую фантазию, выстраивать линии сюжета, диалоги и монологи, рисовать психологические портреты, создавая запоминающиеся образы героев. Говоря словами Н. А. Добролюбова, «чтобы

эпоха, из которой взят роман (исторический. – *P. X.*), представлена была совершенно верно, чтобы угадан был самый дух событий, чтобы автор судил своих героев не по понятиям своего века, а по их времени, чтобы он смотрел их глазами, жил их жизнью» [5, с. 93].

Художественная правда в романах выступает как результат взаимодействия субъективного и объективного, вымысла и правды истории. Созданные автором образы дают представление об общественных отношениях, о социальном бытии людей, действующих в данную эпоху и определяющих ее динамизм, характеризующих исторические события. В этом плане и художественно-обобщенные образы, и реальные лица романа – своеобразные символы эпохи, воплощающие в себе исторически значимые явления. «Главным критерием художественной правды, – пишет В. Новиков, – выступает общее требование – соответствие авторской концепции, выраженной в образной форме, исторической правде, исторической тенденции своего времени» [7, с. 19].

В основу романа «Плач домбры» легли события конца XIV века и судьба легендарного певца-импровизатора, воина-сээна Хабрау. Автор воссоздает историческую обстановку той эпохи, когда башкирские племена оказались между двумя противоборствующими силами – хана Тохтамыша и эмира Тамерлана. В это судьбоносное время подлинным сыном народа, выразителем его надежд, воплощением его таланта, неутомимым борцом за объединение разрозненных башкирских племен, за создание самостоятельного национального государства предстает Хабрау. Многие испытания, трудности и лишения выпали на долю героя. В начале повествования ему семнадцать лет, он уже мыслит самостоятельно о сложных вопросах, о необходимости разносторонних знаний, «чтобы просветить темное, не пробужденное еще сознание своего народа, вывести его на путь к истине» [11, с. 24]. В течение всего дальнейшего развития сюжета происходит его физический и духовный рост, формирование его личности борца за родной народ.

С первых страниц автор стремится показать своего героя на широком историческом фоне, обрисовать процесс его включения в водоворот крупных, порой трагических событий. Кульминационным моментом является встреча Хабрау с золотоордынским ханом, при которой происходит их словесная дуэль. Хан поражает смелость мыслей сээна, который говорит, что его народ хочет избавиться от гнета Орды. На угрозу смерти Хабрау отвечает: «Меня убьешь, песни мои останутся» [Там же, с. 98].

Страницы романа полны психологически убедительных сцен, рисующих внутренний мир героя. Он мучится вопросом, видя угнетенное, бесправное положение башкирских племен: «Коли и на этих привольных землях не может судьба-удача разбить себе становье, есть ли в этом подлунном мире справедливость?» [Там же, с. 173]. Порой у него опускаются руки, он чувствует себя одиноким, бессильным, особенно тогда, когда от рук разбойников погибает его любимая Энжеташ. Но слова старого сээна Йылкыбая: «Пусть надежды и мечты народа дадут крылья твоей душе, пусть его судьба и горе станут твоими. Нет сегодня у башкир сээна выше и славней тебя. Будь же совестью уральской земли» [Там же, с. 202], – вселяют в него поэтическое вдохновение, придают силы для жизни и дальнейшей борьбы. И Хабрау ходит по кишлакам, сочиняя, исполняя свои песни против Тохтамыша, Хромого Тимура и других врагов своего народа.

Автор несколько раз рисует картину, где Хабрау исполняет свои песни-призывы. В эти минуты он обрисован в романтических, возвышенных тонах: «Рывком поднялся он с места, вышел и встал он перед народом. Высоким плачем рыдает домбра, гневным призывом рокошет – и вдруг взлетает и расходится вдоль широкая мелодия, полна любви и нежности к этому приволью, к светлым грустным рекам, к могучим величавым горам» [Там же, с. 125]. В условиях роста недовольства народа ордынским игом песни, возвания Хабрау вдохновляли людей, сплывали в единую силу. Как и Кул Гали, Хабрау погибает с мечом в руках в неравной борьбе со степными завоевателями.

В романе «Мелодия степи» [10] А. Хакимов также обращается к эпохе золотоордынского владычества, к изображению личности, судьбы поэта Сайф Сарая. Короткий рассказ о детстве героя вводит читателя в атмосферу жизни кочевых башкир-кипчаков, помогает выявить истоки характера поэта. Размышляя о своем будущем, он связывает его с борьбой против баев, грабящих народ. Все его помыслы, деяния связаны с народом, продиктованы стремлением облегчить его жизнь.

Чтобы ярче оттенить характер героя, автор сталкивает его с антиподом – ханом Тохтамышем, который хочет склонить поэта на свою сторону, заставить сочинять дастаны о правителях, тем самым лишить его духовной свободы. Птица не может петь в клетке, будь она даже золотая, гордо отвечает он хану. Через все повествование главный герой проходит достойным себе, своему творчеству, непреклонным и неподвластным конъюнктуре.

Фабула романа небогата событиями, в нем большое место отводится так называемому «внутреннему» сюжету, который обозначает скрытое движение нравственных представлений, глубинных психологических процессов. В романе он выстраивается из потока сознания, воспоминаний, чувств и переживаний героя. Размышления Сайф о своем предназначении, о драматической судьбе поэтов, непокорных власти, о социальной несправедливости, о борьбе добра и зла, воспоминания о детстве – все это является опорными точками этого сюжета. Не случайно в повествовательной структуре романа основное место занимают «субъективное повествование» и внутренние монологи поэта.

«Внутренний сюжет» определен «внешним сюжетом», то есть социально-историческими обстоятельствами, в которых живут и действуют герои, мысли, переживания которых адекватны этим обстоятельствам. А. Н. Толстой в «Письме начинающему автору» констатировал: «Исторические герои должны мыслить и говорить так, как их к тому толкает их эпоха и события той эпохи» [9, с. 593].

Образ Сайф, претворяя черты реального прототипа, тем не менее обретает обобщенно-символический смысл, как образ поэта-сээна, посвятившего свое творчество служению народу, родине, идеалам гуманизма и просвещения. В нем выражены качества, присущие подвижникам, ученым-просветителям, национальному характеру.

Лейтмотивом через весь роман проходит лирическая струя, которая является одной из его стиливых доминант и определяет его общую тональность, подчеркивает «высокость» предмета изображения.

Немало места в романе уделено последним годам жизни поэта, которые он проводит в Каире, где обретает покой и свободу, хотя его постоянно сопровождает тоска по родине. На этой лирико-элегической ноте и завершается повествование. В финале автор пишет, что через далекие эпохи мы слышим голос поэта, ощущаем с ним духовное родство. Роман стал художественным открытием А. Хакимова, первым произведением в башкирской литературе о самобытном сээне Средневековья.

В башкирской исторической романистике последнего времени были созданы произведения, посвященные Шаихзаде Бабичу, поэту свободы, «башкирскому Маяковскому», рожденному бурной эпохой начала века. Это романы Р. Баймова «Кречет мятежный» [2], Г. Хисамова «Февральский буран» [12], Н. Гаитбая «Бабич» [4].

В «Февральском буране» он выведен под именем Салих и назван «соловьем башкирского народа», отразившим его чаяния и стремления, его боевой дух. Герой изображен в лирико-романтических тонах, под стать своим пламенным стихам. Это пылкий молодой человек, преданный борьбе за счастье, свободу родного народа, отдавший свою жизнь за это дело. И поэтическим словом, и с оружием в руках он всегда в передних рядах, на самых опасных участках борьбы. Своими патриотическими стихами он выступает на Курултаях, на площадях перед солдатами, крестьянами. Автор пишет о силе его поэтического слова, о его влиянии на массы. В романе есть эпизод, в котором после объявления о переходе башкирских войск на сторону Красной армии большая часть солдат и командиров выражают открытый протест, неповиновение этому решению военного комиссара, объявляют его предателем. В этот критический момент Салих читает свое стихотворное обращение к башкирскому народу, в котором доступным поэтическим языком разъясняет причины этого перехода, опровергает клеветнические измышления вокруг имени Заки Валиди. Это обращение во многом спасло положение, сыграло большую роль в привлечении башкир на сторону советской власти. Линия сюжета, связанная с его образом, проникнута трагическим пафосом – поэт зверски убивают каратели, такая же участь постигает и его жену.

Антагонистом Салиха в романе выступает другой поэт – Колтан. Думается, этот вымышленный образ создан для того, чтобы ярче оттенить Салиха, показать борьбу противоположных начал в среде творческой интеллигенции. Если Салих в своих стихах прославляет дружбу народов, их равенство, то Колтан одержим шовинистическими идеями, мечтает о возрождении ханского правления в Башкирии. Он – сын зажиточного торговца, в новых условиях вынужден приспособливаться, лицемерить. Его подлинное лицо раскрывается тогда, когда он становится тайным агентом дутовской контрразведки и доносит на своих товарищей, на членов Башкирского правительства. Так, параллельно с возвышением Салиха до всенародно любимого поэта происходит моральная, личностная деградация Колтана. В отношениях семьи, брака, любви герои также противостоят друг другу. Автор рассказывает об искренней любви Салиха и Минзады и показывает Колтана, жестоко избивающего свою жену.

Роман Н. Гаитбая стал «открытием» Бабича, возвращением его в наше время, что было отмечено и в критике [6]. Думается, что автор романа задался целью не столько воссоздать облик реального Шаихзады Бабича, художественно «описать» его биографию, сколько создать образ легендарной, героической личности, преданной идеалам свободы, родному народу и шедшей ради этого на самопожертвование. Отсюда элементы романтизации, героизации, образной символики в его образе.

За выполнение своей литературной задачи писатель берется основательно, изображая своего героя в постоянном движении, в поиске, в тесном общении с окружающим миром, в кругу единомышленников и идейных противников, наедине с самим собой, в минутах глубоких раздумий о своей судьбе, о своем предназначении. Так прослеживается процесс его формирования как национального героя, как поэта-трибуна. Мало кто представлял, наверное, его таким, каким он явился на страницах романа – многогранной талантливой личностью (поэт, музыкант, драматический актер, сценарист, политический деятель), человеком, способным на полную самоотдачу ради благородной цели. Хотя перед нами художественный образ, но видно, что автор не «выходит» за грани реального прототипа. Фабула романа зиждется на фактах, событиях, имевших место в биографии Шаихзады Бабича.

Уже первые главы представляют нам благородного, бескорыстного, влюбленного в жизнь романтического юношу в казахских степях, устремленного к знаниям, добру, милосердию, состраданию, готового прийти на помощь нуждающимся. За это его и полюбили казахи. Здесь уместно провести параллель с другим нашим поэтом-просветителем – Акмуллой. По сути, Бабич повторяет его жизненный путь и судьбу. Примечательно, что при этом автор рисует героя не как частное лицо, а как представителя своего народа, как башкирского национального поэта, проповедующего идеи дружбы, мира и согласия между народами. Особенно это видно в сценах поэтических состязаний, в которых Бабичу нет равных.

Автор умеет увлечь читателя занимательным, динамичным сюжетом, создает картины, эпизоды, исполненные глубокого психологизма, трогательного лиризма, эмоциональности. В этом отношении характерны страницы, посвященные взаимоотношениям Бабича с Хатирой, красавицей-казашкой Йомабикэ, Альмагуль. Так в роман входит тема любви, которая «оживляет» хроникальный сюжет лирико-романтической струей, помогает показать героя разнопланово, со всеми особенностями характера, его сильные и слабые стороны. В этих ситуациях герой показан эмоциональным, увлекающимся, порой ошибающимся и заблуждающимся.

Вначале ему кажется, что любит Хатиру, потом его сердцем овладевает Йомабикэ, в то же время он очарован красотой Сарвара, постоянные думы о таинственной Альмагуль тоже не дают ему покоя. Автор умеет подмечать тонкие внутренние переживания героев, описать динамику их чувств, зарождение, развитие того или иного душевного состояния, настроения, то есть передать так называемую «диалектику души».

Деятельную, мятущуюся натуру Бабича раскрывают экстремальные ситуации, опасности, часто встречающиеся в его жизни. Порой кажется, что он намеренно идет на риск, хочет испытать себя в критические моменты, напрашивается на опасные задания. Лермонтовское «а он мятежный, просит бури» вполне применимо и к нашему герою и во многом объясняет трагизм его судьбы. По версии автора, на последнее, роковое, задание Бабич идет не по указанию военного комиссара, а по своей воле и инициативе, осознавая всю опасность дела. О трагической гибели поэта Валиди впоследствии писал, что «это было самой большой нашей трагедией при переходе на сторону красных, так как Шаихзада был любимым народом национальным поэтом. У него имеются чудесные стихи на татарском и башкирском языках» [3, с. 247].

Показ взаимоотношений Бабича и Заки Валиди в романе занимает особое место. Знакомство, близкое общение с башкирским лидером стало для поэта важным этапом в формировании его как политического, общественного деятеля. Из уст Валиди он слышит о национально-культурной автономии, об унитаристах и федералистах, о непростых отношениях с лидерами большевиков, о сложностях национальной политики и т.п. Эти места романа пронизаны публицистическим пафосом, за которым мы видим самого автора, нашего современника. Через раздумья поэта он пишет о вековом стремлении народа к свободе, о многочисленных восстаниях, жестоко подавленных самодержавной властью, о тысячах погибших, казненных, сосланных борцов. С этого момента сомневающийся, колеблющийся в необходимости политической борьбы Бабич активно включается в нее, становится соратником Заки Валиди. Он в гуще событий, участник и организатор курултаев, на которых выступает с пламенными стихами об автономии, о необходимости создания башкирского войска, совершает многочисленные поездки по городам, селениям, ведет мобилизационную работу.

В лице Валиди и Бабича автор рисует симбиоз двух единомышленников, удачно дополняющих друг друга. Первый – более опытный и хладнокровный, идеолог и стратег, второй – горяч, спешен, одержим, неугомнен, практик и тактик. Как видно из страниц книги, многие распоряжения, указания военного комиссара спешит претворить в жизнь Бабич. Это и подготовка курултаев, и работа в башкирском Шуро, и издание газеты, и поездки по формированию башкирских полков, и организация перехода джигитов в башкирское войско, и еще многое другое ложится на плечи молодого поэта. Его жизнь – это бурный поток, он ходит по краю пропасти, всегда в шаге от гибели. Он сам осознает, что втянулся в опасную игру, порой его одолевают сомнения в правоте начатого дела, часто думает о поэтическом поприще как о своем предназначении, о служении музе, что выше политики и кровавых событий, происходящих вокруг. В этой сложной ситуации нравственного выбора он приходит к верному решению – посвятить свою музу борьбе, свободе, сделать ее действенным оружием – и пишет агитационные стихи, вдохновенно читает их на курултаях, перед воинами, народом. В романе есть ряд эпизодов, показывающих, что именно стихи Бабича имели большое значение в принятии того или иного судьбоносного решения, более сильно влияли на настроения солдат, крестьян. Например, он, по сути, спас Заки Валиди, когда остро встал вопрос о переходе башкирских войск на сторону Красной армии, когда противники этого шага хотели физически устранить военного комиссара; на III Курултае также вопрос в пользу автономии решился благодаря поэту, когда он проникновенно прочитал импровизированные стихи о Башкортостане. Вот, например, как этот момент рисует в романе «Кречет мятежный» Р. Баимов: «Зал гудел от оваций и рукоплесканий. Самый шумный восторг зала пришелся на долю Шейхзады Бабича. Написанные им специально к этому событию стихи он прочитал с такой пылкостью и так величаво и напевно, что присутствующие восприняли их как обет, как священную клятву на Коране...» [2, с. 156]. В таком же ключе этот исторический эпизод передан в романе Н. Гаитбая. Под гул непрекращающихся аплодисментов поэт рывком поднимается на сцену, громко произносит первые строки – и зал затихает. Его слова летят, как пули, завораживают, потрясают слушателей. Когда Бабич прочитал эти последние строки:

Да здравствует страна башкир,
Да здравствует и труд, и мир,
И львы, которые росли
Для торжества родной земли!

– зал взорвался под шум оваций, одобрительных криков, возгласов; несколько молодых людей подбежали к поэту, подняли его и стали качать в воздух. Автор и в дальнейшем приводит немало других примеров о роли Шаихзады Бабича в делах башкирских патриотов, непосредственно создает сцены, демонстрирующие его ораторские способности, умение задушевно и проникновенно читать стихи.

Персонажная система романа довольно широка и включает образы как реальных, так и вымышленных лиц. Такая «густонаселенность» произведения способствует созданию более полной картины реалий изображаемой эпохи, показывает раскладку сил, остроту социально-политической борьбы, образует среду, своеобразное художественное пространство, в котором происходят события, действует главный герой. Диапазон его личности оказался настолько широким, что позволил писателю вместить в произведение большой историко-познавательный, биографический и фактический материал, рассказать о том сложном времени с его социальными потрясениями, событиями судьбоносного характера, поведать читателю о видных деятелях того времени.

Горизонты его образа расширены благодаря включению в текст собственных стихов, которые он сам же читает в различных обстоятельствах. Поэтический дар Бабича подчеркивается тем, что он поэт-импровизатор, из уст которого почти моментально «вылетают» строки, точно попадающие в цель, уместно вписывающиеся в ситуацию, дающие краткую, но емкую характеристику, оценку явлению, предмету, лицу, часто юмористическую, сатирическую. Этим он удивляет окружающих, располагает и притягивает к себе. Автор рассказывает о большом его авторитете среди населения, его узнают на улице, в городах, селах.

В каком-то отношении его можно назвать поэтом-пророком. Он напророчил свою судьбу, словно чувствовал близкую гибель. В стихотворении «Присяга народу» пишет:

«Пусть жертвой безвременно лягу,
Пусть юности минет пора, –
Народу принес я присягу
Из золота и серебра» [1, с. 49].

Эти строки созвучны со стихами поэта-декабриста К. Ф. Рылеева, также павшего жертвой в борьбе за свободу народа. В поэме «Наливайко» есть такие строки:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, –
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!» [8, с. 211].

Оба поэта остались верными своему долгу и с честью его выполнили. Судьба поэтов на Руси всегда была нелегкой.

Таким образом, современный башкирский исторический роман о поэте и поэзии, оставаясь в рамках сложившейся фольклорной и литературной традиции, вносит свой вклад в развитие весьма актуальной темы, развиваясь по пути ее углубления, обращаясь к так называемому «внутреннему сюжету», изображению «диалектики души» героя. Романы о Хабрау, Кул Гали, Акмулле, Бабиче и других стали своеобразным открытием авторов, возвращением доброго имени талантливых личностей, расширением наших представлений о башкирском национальном характере.

Список источников

1. Бабич Ш. «Чтобы дрогнуло сердце башкира...» // Бельские просторы. 2005. № 1. С. 45-50.
2. Баимов Р. Н. Кречет мятежный: историко-документальный роман. Уфа: Китап, 2002. 544 с.
3. Валиди Тоган А. История башкир / перевод с турецк. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
4. Гаитбай Н. Бабич: роман // Агидель. 2018. № 7. С. 5-66; № 8. С. 5-65; № 9. С. 5-63; № 10. С. 13-73; № 11. С. 5-39.
5. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. 595 с.
6. Мусин Н. Мысли после прочтения романа «Бабич» // Агидель. 2018. № 12. С. 182-183.
7. Новиков В. Художественная правда и диалектика творчества. М.: Советский писатель, 1974. 520 с.
8. Рылеев К. Ф. Сочинения: стихотворения и поэмы; проза; письма. Л.: Худож. лит., 1987. 416 с.
9. Толстой А. Н. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 13. 676 с.
10. Хакимов А. Мелодия степи / на башк. яз. // Ватандаш. 2002. № 3. С. 103-141; № 4. С. 121-159.
11. Хакимов А. Плач домбры. М.: Советский писатель, 1988. 584 с.
12. Хисамов Г. Февральский буран: роман // Агидель. 2017. № 7. С. 13-77; № 8. С. 5-70; № 9. С. 13-73; № 10. С. 14-55.

PROPHETS IN THEIR OWN COUNTRY (THE THEME OF A POET AND POETRY IN THE BASHKIR HISTORICAL NOVEL)

Khasanov Rishat Faukatovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birsk
academy@birsk.ru

The article analyses the Bashkir historical novel from the viewpoint of the representation of the theme of a poet and poetry. The originality of the study lies in the fact that the author's attention is focused on contemporary literary works, which have not been previously studied. It is shown that poets have always played a key role in the spiritual and material life of the Bashkir people. The literary analysis is focused on such issues as the system of images, certain peculiarities of poetics, style originality. The author identifies specific national features of the novels, draws parallels with the Russian classical works.

Key words and phrases: Bashkir literature; historical novel; personage; personality conception; sesen; psychologism; leitmotif; lyricism.